Текст · 27 сентября 2019, 10:55
Алла Константинова,

«Здесь животных нет». Начальник ИК-9 в Петрозаводске, заключенные которой рассказали о пытках, провел экскурсию для журналистов

Руководство ИК-9 в Петрозаводске, заключенные которой рассказали о пытках, провело экскурсию для журналистов. Начальник колонии Иван Савельев утверждает, что пыток там нет, а ему было «противно» читать материал «Медиазоны» и «Настоящего времени» со словами осужденных. Алла Константинова побывала на этой экскурсии.

«Рябина посажена — хороший знак! Рябина охраняет! Есть такое поверье про рябину у дома», — Лариса Бойченко, недавно избранная уполномоченная по правам человека в Карелии, идет по территории колонии №9 Петрозаводска, разглядывая кусты. 26 сентября управление ФСИН по республике Карелия организовало пресс-тур в ИК-9, о которой написали «Медиазона» и «Настоящее время»: заключенные колонии рассказали о пытках, избиениях и других преступлениях ее сотрудников.

Делегацию из журналистов, омбудсмена и членов ОНК возглавляет 32-летний начальник колонии Иван Савельев – бывшие и нынешние заключенные утверждают, что он лично участвовал в избиениях. Приветствуя их, Савельев, говорит, что опубликованные рассказы он считает «возмутительными и недопустимыми». По его словам, руководство колонии хочет,

чтобы журналисты «зашли в любой уголок исправительного учреждения и объективно оценили условия содержания».

Сначала всех ведут в жилые отряды: в первом живет 60 неработающих заключенных. Бетонное здание покрашено в приглушенные цвета: желтый, розовый, бирюзовый. У входа выстроились осужденные. В спальной секции — несколько рядов кроватей, на каждой — карточка с персональными данными, рядом — тумба с личными вещами. По нормам, говорит замначальника УФСИН России по Карелии Андрей Ломонос, в помещении должно быть два квадратных метра на человека. Кровати в ближнем к двери левом углу, рассказывает Ломонос, принадлежат «педофилам, а также склонным к побегу и нападению».

К журналистам подводят Ивана Романова, бывшего депутата Законодательного собрания Карелии, осужденного за взятки и сексуальное насилие над курсантами речного училища.

«Меня все устраивает, спасибо большое руководству и лично Ивану Викторовичу [Савельеву], — говорит Романов. — Если человек адекватный, то и претензий к нему не будет. Я бы с удовольствием пообщался с журналистами, мне есть многое, что рассказать. Сегодня первый раз, когда я могу честно что-то сказать. Потому что в течение четырех лет все очень-очень сильно не хотели, чтобы я давал интервью. Поэтому в личной беседе, не сейчас, но я бы рассказал о многих вещах, которые происходили и происходят».

После встречи с осужденным депутатом делегацию ведут в пекарню. Там осужденные рассказывают местной редакции ВГТРК о том, как работает хлебопечь. Тем временем председатель ОНК Карелии Григорий Алешко объясняет нашему корреспонденту, что до сих пор не успел поговорить с заключенными, рассказавшими о насилии и пытках: «Еще времени прошло всего ничего, два дня!».

В штрафном изоляторе заключенные в одиночных камерах. Открывают дверь в первой: за решеткой — человек с разбитой губой. «Жалобы какие-то? — вплотную подходит к двери и строго спрашивает Иван Савельев. — Претензии, проблемы нерешенные, заявления?» — «Нет», — мотает головой мужчина. Отвечая на вопрос журналистов о том, как попал в ШИЗО: «За конфликтную ситуацию».

Заключенный Александр Малиновский в ШИЗО. Фото: Мария Смирнова

Здесь же, в ШИЗО, сидит Анзор Губашев, один из пятерых осужденных за убийство Бориса Немцова. Начальник колонии говорит, что раньше у него были «ровные» отношения с Губашевым: «Были ровными до тех пор, пока определенные адвокаты к нему не стали приходить, — вполголоса говорит Савельев. — Никогда не было никакого противостояния с его стороны. И он это подтвердит».

Но Губашев говорит другое: «Мне запрещают совершать намаз, порвали мой Коран, видимо, знали,

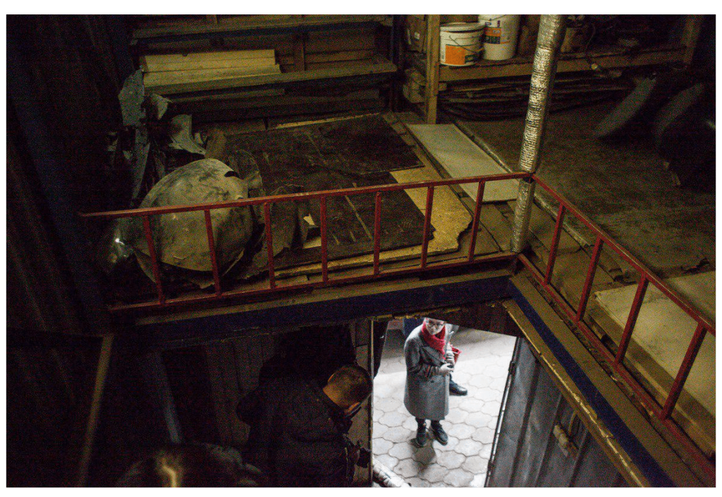
что вы придете — сегодня его заклеили. Обращался и в ОНК Карелии, и к муфтию Карелии: "Мы стараемся, мы делаем, все, что можем". Я сидел в других учреждениях России, но, пока сюда не попал, такого обращения со мной нигде не было. Просидел всю зиму в холодной камере. Люди здесь от холода кричат. Меня не били и не обливали холодной водой, но то, что тут такое делают, я слышал от других заключенных. Адвоката ко мне не пускают уже три недели, потому что я заявление сделал, которое опубликовали. А избиения других осужденных я подтверждаю, я слышал такое. Кто избивает? Да вот они — наше руководство — Савельев, Ковалев... Два основных. Вы сейчас уйдете, а они будут продолжать свои действия».

Из штрафного изолятора журналистов отводят в автомастерскую, где три недели назад нашли повешенным 32-летнего осужденного Баходура Кушмуродова. Решетчатая дверь прикрыта черной шторой. Сотрудники колонии идут за ключами, открывают дверь. Указывают на лестницу, которая ведет на второй этаж, где располагается склад инвентаря: шины, автокресла, стекла. Видеокамера в автомастерской только одна — в самом цехе, внизу. На лестнице и втором этаже видеонаблюдения нет: устанавливать камеры во всех складских помещениях колонии дорого и нецелесообразно, объясняют сотрудники. По их словам, погибший Баходур в день своей смерти был в цехе один.

«В промежуток между 10:10 утра и до 11:15 утра я уходил, а когда вернулся, здесь уже были бригадиры промзоны и автосервиса, а тело уже лежало, — вспоминает тот день работающий в автомастерской

заключенный Павел Неелов. — Да, теоретически возможно, что он остался один. Баходур в тот день поднимался наверх, наводил порядок...».

По словам начальника колонии Савельева, Следственный комитет изъял видео с камеры наблюдения, на котором видно, как Баходур проходит к лестнице на второй этаж. Права на условно-досрочное освобождение у Кушмуродова не было, говорит замначальника УФСИН Карелии Андрей Ломонос, хотя пакет необходимых документов он собрал. Иван Савельев рассказывает, что погибший тяжело переживал смерть отца: «Из Узбекистана в Питер к нему приехал отец, но около полугода назад отец умер. И он очень переживал. Он плакал. Он кричал. Мы его снимали с работы на две недели».

Место где нашли тело Баходура Кушмуродова. Фото: Мария Смирнова

В автомастерской работает и Меджид Мустафаев, не раз говоривший матери об избиениях в колонии. Начальник ИК-9 просит его прокомментировать условия содержания и рассказать, есть ли у него жалобы. «Сейчас все нормально, все в порядке, — улыбаясь, говорит Меджид. — В общем, я ничего не могу сказать. Перевели на облегченные условия содержания. Звоню маме раз в неделю, видел ее в последний раз месяца три назад. Пока что мне нравится здесь работать, но я не уверен в завтрашнем дне».

Привели к журналистам и заявившего о неоказании медицинской помощи Ахмеда Умарова. Невысокого роста мужчина с палочкой не стал отказываться от своих слов: «В санчасти мне не оказывают медицинскую помощь, врачи дают ложные сведения о моих диагнозах. У меня полголовы онемело, колени и позвоночник больные, кровотечение... Но мне говорят, что медсанчасть — это отдельная служба, поэтому к администрации колонии у меня не может быть претензий. Я хочу покинуть эту колонию и отбывать наказание на родине, в Чеченской республике».

«Это противно было слышать». Руководство ИК-9 о жалобах заключенных

Окончив экскурсию, Иван Савельев зовет журналистов на пресс-конференцию и кладет перед собой распечатку статьи «Медиазоны» и «Настоящего времени» и говорит, что «подготовился и готов прокомментировать каждый абзац».

«Такое впервые в моей биографии, а работаю я в пенитенциарной системе уже одиннадцатый год, — говорит Савельев. — Вчера я посетил Следственный комитет и подал официальное заявление, связанное с деловой репутацией. И, я вас уверяю: реакция будет. Я думаю, что будет возбуждено уголовное дело по факту оскорбления представителя власти. Причем я убежден, что будут привлечены и представители СМИ, и осужденные, которые в статье упомянуты».

«Я висел, как окорочок». Заключенные колонии в Петрозаводске рассказывают о пытках и начальнике, которому «нравится бить людей»

Выступление коллеги подхватывает и замначальника карельского УФСИН Андрей Ломонос: он говорит,

что «нетактично и неэтично» называть начальника колонии «животным». Вероятно, он имеет в виду слова бывшего заключенного Рубена Погосяна, который говорил о жестокости начальника ИК-9: «Вот Савельев — животное конченое. Чисто сталинский энкавэдэшник. По служебной лестнице его двигают за достаточно садистские наклонности».

Иван Савельев добавляет, что его возмутило выражение «попал на работу в ИК-9»: «Попал! Попал! Это противно было слышать. Я шел к этой должности много лет. Я закончил школу с медалью, я закончил вуз, имею спортивный разряд, в том году я получил управленческое образование, я являюсь соискателем Академии ФСИН. И в свои годы я управляю тысячной армией... да, пусть осужденных. Но "попал" — это оскорбительно. Как для меня, так и для моих близких».

Савельев объясняет, что отказался давать интервью для этой статьи, потому что такое решение приняло управление: «Мы согласовываем все свои действия с пресс-службой УФСИН. Оно[1] до меня доходило, но я все действия свои регламентирую с руководством».

Упомянутую в тексте гибель Рахматжона Рахматова, о которой рассказал адвокату осужденный Сергей Тарасов, начальник ИК-9 прокомментировал так: «Я вас адресую к результатам проверки, которую проводил Следственный комитет. Было судебное решение. И проверка в рамках уголовного дела велась серьезнейшая: с проведением опросов, с экспертизами, гистологией... Они работали на месте произошедшего, понимаете».

Жалобы Анзора Губашева на травлю на религиозной почве Савельев связывает с желанием привлечь к себе внимание: «Складывается впечатление, что Губашев намеренно совершает молитву в то время, когда знает, что будет обход администрации. Чтобы обратить на себя внимание и таким образом создать конфликтную ситуацию».

«Все вы знаете, что мы живем в светском государстве, и у нас есть Конституция, — продолжает Савельев. — Наш режимный распорядок дня адаптирован под ее правила. У нас в колонии содержатся представители множества религий. Сложно подстроить распорядок дня под всех. Завтра появится заключенный, который заявит, что, в соответствии с его религией, ему нужно молиться 20 раз — мы не сможем это ему обеспечить. У нас в колонии содержится около 150 мусульман: всех все устраивает. И это факт. Здесь мы видим, что человек фанатично следует своим каким-то принципам. По поводу водворения в ШИЗО: мы его в ходе профилактических бесед предупреждали, что он обязан вставать, когда появляется представитель администрации. Но он не встает».

Вход в помещение камерного типа. Фото: Мария Смирнова

Коран Губашеву если и порвали, то неумышленно: «Я глубоко убежден, что это тоже спекулятивный момент. Может быть, Губашеву неприятно, что его Коран дважды в день берут для проверки, я не знаю. Я не вполне уверен, что его порвали».

Пыток в колонии нет, настаивает ее начальник. Он подчеркивает, но федеральный закон № 503 разрешает сотрудникам в отдельных случаях применить к осужденным физическую силу. «Заключенным могут завести руки за спину, а в случае неуспокоения применяются специальные средства», — добавляет Андрей Ломонос. Например, резиновую палку, которой «можно бить по ногам и ягодицам». Каждый случай применения физической силы снимают на видео, и эти записи анализирует прокуратура и СК, говорит руководство ИК-9.

«У нас режимное учреждение. Здесь нет водки, здесь нет наркотиков, ничего запрещенного. И мы этим гордимся, — говорит замначальника УФСИН Ломонос. — И хотим, чтобы так дальше всегда было». По его словам, «то, что сейчас происходит — это попытка изменить эту ситуацию».

«Два-три человека раскачивают эту ситуацию. Почему все остальные-то молчат? Боятся, вы скажете? Это аргумент? Мы вам показали все. Мы вам разрешили идти, куда хотите, общаться, с кем хотите. Они (осужденные, рассказавшие о насилии — МЗ) и дальше будут говорить. Но вы видели всю остальную массу. Видели условия содержания. Здесь что, помойка? Нет. Здесь нормальные человеческие условия», — говорит Ломонос. И эмоционально

добавляет: «Но! Здесь нет животных. Здесь животных нет. Как с этой стороны забора, так и с той».

Вымогательства, о которых говорил адвокату экс-депутат народного собрания Дагестана Магомед Магомедов, руководство ИК-9 отрицает «на двести процентов». Осужденные в колонии не платят «ни за что», настаивает Иван Савельев. Встретиться с самим Магомедовым журналисты не смогли: он отбывает наказание в отряде СУОН[2], туда экскурсию не повели.

Не удалось поговорить и с заключенным Ильей Шабановым (фамилия изменена по просьбе его матери), который получил травму на производстве в ИК-9, оставшись без четырех пальцев. Руководство колонии пообещало журналистам «Медиазоны» и еще двух изданий встречу с ним после пресс-конференции, но Иван Савельев передумал давать разрешение, сославшись на «предвзятую позицию» корреспондента «Медиазоны».

Заключенного Сергея Тарасова, который рассказывал об участии Ивана Савельева в избиении скончавшегося после этого заключенного Рахматжона Рахматова, журналистам показали только на видеозаписи. После встречи с адвокатом того перевели в тюремную больницу, где он неожиданно отказался от услуг защитника.

«По Тарасову вообще все понятно, мы готовы его продемонстрировать, — говорит, включая видео, Савельев. — Там Тарасов говорит, что адвокат его заставил и склонил к тому, чтобы… да».

Один из коллег подсказывает начальнику ИК-9, что видео «необрезанное», тот отвечает: «Посмотрим!» — и перематывает начало записи. «Он говорит о том, что адвокат[3] обратился к нему с просьбой очернить руководство колонии», – объясняет журналистам Савельев. Голоса заключенного при этом почти не слышно.

На записи сотрудница, которая проводила интервью, спрашивает Тарасова: «Он вас склонял сказать неправду?» — «Нет, мы разговаривали только по существу».

Публикация подготовлена совместно редакциями «Медиазоны» и телеканала «Настоящее время»-. Редакторы: Егор Сковорода («Медиазона»), Елена Шмараева («Настоящее время»).

---

1. Запрос журналиста на интервью с начальником ИК-9.
2. Отряд со строгими условиями содержания.
3. Рассказ Сергея Тарасова записал и передал журналистам адвокат Виктор Молодежников.